

УДК 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-10

Карпов В. И.

**Фольклор и книжная культура в Германии нового времени
(на примере сборников немецких заговоров XVI-XX вв.)**
(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции:
контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора
В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой,
Институт языкознания РАН, г. Москва)

Институт языкознания РАН
Большой Кисловский переулок.
Дом 1, стр. 1, г. Москва, 125009, Россия;
Московский государственный
лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, стр. 1,
г. Москва, 119034, Россия
E-mail: vilkar@yandex.ru
ORCID id: 0000-0002-1377-1643

Статья поступила 10 апреля 2020 г.; принята 30 мая 2020 г.; опубликована 30 июня 2020 г

Аннотация

В статье проанализированы сборники заговоров, которые именовались «волшебными книгами» (нем. *“Zauberbücher”*), как важная часть раннепечатной книжной культуры в Германии. Среди наиболее популярных изданий такого плана особо выделяется «Романова книжица» (*“Romanusbüchlein”*), которая многократно переиздавалась на протяжении двух столетий с момента первого издания. Цель работы – на примере различных версий данного издания рассмотреть феномен взаимодействия устных форм языка и формирующегося языкового стандарта в период, когда благодаря стремительному развитию книгопечатания тексты устного народного творчества тиражировались в виде печатных компиляций. Лингвистический анализ текстов, напечатанных в сборниках, показал, что большинство заговоров отредактировано и издано на общенемецком стандарте, который закрепился в печатном деле в конкретную языковую эпоху. Последующие переиздания или рукописи следуют языку сборников, послуживших для них источниками, а не подстраиваются под региональные языковые или диалектные особенности.

Ключевые слова: книгопечатание; немецкий язык; Новое время; фольклорный жанр; заговорный текст

Информация для цитирования: Карпов В.И. Фольклор и книжная культура в Германии нового времени (на примере сборников немецких заговоров XVI-XX вв.) (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №2. С. 122-132. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-10

Vladimir I. Karpov

**Folklore and book culture in the Germany of new age
(the case of collection of medical charms, the 16th-20th centuries)**
(Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts
and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor
Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics of RAS, Moscow)

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences.
bld. 1, 1 B. Kislovskiy Ln.,
Moscow, 125009, Russia;
Moscow State Linguistic University
bld. 1, 38 Ostozhenka St.,
Moscow, 119034 Russia
E-mail: vilkar@yandex.ru
ORCID id: 0000-0002-1377-1643

Received 10 April 2020; accepted 30 May 2020; published 30 June 2020

Abstract

The paper analyzes collections of charms, dubbed as Zauberbücher and central to early printed book culture in Germany. Among the most popular editions of this kind, one should pay particular attention to the Romanusbüchlein that was reprinted many times over two last centuries since its first edition. Taking as example different editions and compilations, the author shows how oral forms of language interact with the emerging national standard language in Germany at a time when, thanks to the rapid development of typography on the threshold of the New Age, folklore texts were replicated in all sorts of printed versions. Linguistic analysis of texts, compiled both in the Romanusbüchlein and other collections, proves that all charms were edited and published in standard German. Later reprints and handwritten copies also followed the same language, without adapting to regional or dialectal specificities. Comparing the charms of one type, recorded at the same historical time on the territory where the versions of the Romanusbüchlein were actively distributed, one can see that, even in the presence of dialectal variants of charms, texts in the Romanusbüchlein had never been subjected to any linguistic alternations.

Key words: printed book culture; German language; folklore genre; the New Age; charm

How to cite: Karpov V.I. (2020). Folklore and book culture in the Germany of new age (the case of collection of medical charms, the 16th-20th centuries) (Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics of RAS, Moscow). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (2), 122-132, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-10

Введение

Изучение истории литературного языка непосредственно связано с установлением характера взаимодействия

устных форм и формирующегося общенационального языкового стандарта. Особый интерес представляет тот период, когда благодаря стремительному развитию

книгопечатания устные тексты – речь идет прежде всего о фольклорных жанрах – стали облекаться в письменную оболочку и тиражироваться в виде всевозможных печатных компиляций. Если говорить о текстах устного народного творчества, то необходимо отметить их неразрывную связь с родным диалектом и в то же время зависимость от общезыковой ситуации. Как неоднократно отмечалось, «язык фольклора представляет собой сложное по генезису образование, в котором диалектически сплавлены все его образующие: и конкретные народные говоры, и диалектный язык как система всех соответствующих диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема национального языка» (Оссовецкий 1975: 66-78).

Все ли фольклорные жанры сохраняют живую связь с диалектом носителей на протяжении всей языковой истории? Отвечая на данный вопрос следует учитывать тот факт, что нередко приходится иметь дело с компиляциями, в состав которых входят искусственно созданные тексты, имитирующие язык и форму отдельных фольклорных памятников. Видимо, сохранение языковой самобытности возможно только при наличии некоторых исходных ограничений, одним из которых можно считать привязку к определенному ритуалу, требующему точного, почти дословного воспроизведения (Rösler 1997). На наш взгляд, таким редким материалом можно считать заговорные тексты. Под заговором мы традиционно понимаем «произносимый по особым правилам или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой» (Коновалова 2007: 10). Фольклорные тексты указанного типа, как писал еще Лотман, отличаются «наличием ограниченного числа элементов системы, сравнительно легко формулируемыми правилами их сочетания, формальной системой выражения»

(Лотман 1999: 43), а также низкой степенью литературно-письменной обработки и являются идеальным объектом для историко-филологического анализа (Schulz 2007).

Основная часть

Цель и методологическая установка

В статье затронут вопрос, как происходит фиксация и издание определенных фольклорных текстов в конкретном языковом ареале в тот или иной исторический период. В методологии мы отталкиваемся от работ отечественных и зарубежных исследователей фольклора, историков языка и литературоведов. Принципы и методы, которые находят применение в работах по фольклору и лингвистике текста (Жирмунский 2004), а также исторической текстологии (Данилевский 2018), связаны с решением широкого круга теоретических и практических проблем на стыке нескольких научных дисциплин. В наших работах мы подробно описывали условия и факторы взаимодействия устно-письменных форм в пограничном текстовом пространстве, которое возникает в результате письменной фиксации образцов устного творчества (Карпов 2011). Перевод текстов из устной формы в письменную приводит к появлению пограничной зоны, именуемой лиминальным пространством, расположенной на стыке устно-словесной архаичной культуры и сферой письменности. Фиксируемые тексты еще сохраняют живую связь с фольклорной средой, но одновременно находятся как бы на пороге проникновения в пространство письменного языка. Последующие действия переписчиков и редакторов приводят к тому, что тексты полностью превращаются в олитературенный продукт, они образуют и заполняют новую текстовую область, обретают черты полноценных литературно-письменных памятников и, в конечном итоге, переходят во владение общенациональной культуры. Инварианты,

которые выявляются при одновременном проникновении однотипных текстов из разных диалектных зон, окончательно закрепляются в унифицированной языковой форме в сборниках различной тематической направленности (Mein 2008, Part 2008, Zeman 2013: 191-206, Карпов 2011: 141-155). Дальнейшему распространению фольклорных памятников способствует доступность печатных изданий и близость языка текстов к наддиалектному стандарту.

Возникновение письменности создает предпосылки для фиксации устной традиции, однако письменная культура начинает доминировать не с момента появления письменности как таковой (изобретения алфавита, правил письма и т.п.), а с изобретением книгопечатания (Neddermeyer 1993: 205-216, Doering-Manteuffel 2004: 187-193). В рамках единой культурной системы устные и письменные традиции контактируют с разной степенью интенсивности (Sieburg 2008: 67-76). Наиболее интенсивно подобное взаимодействие наблюдается в культурах, которые обслуживаются единым языком. Такая ситуация создает благоприятные условия для активного взаимного проникновения и обогащения устных и книжных традиций и появления широкого круга пограничных (лиминальных) явлений. Переход текстов из устного бытования в письменное (печатное) и наоборот мог происходить многократно. Собиратели, переписчики, издатели были хорошо знакомы с устной традицией, что отразилось в попытках приблизить тексты в сборниках к источнику – звучащим образцам фольклора. Об этом свидетельствуют попытки собирателей представить услышанное именно как устные тексты, которые копируются (переписываются или печатаются) не механически, а приводятся в соответствие с известными вариантами (Davies 1996, Топорков 2015).

Описывая процесс фиксации фольклорных текстов в разные эпохи,

А.Л. Топорков со ссылкой на работу (Гаспаров 2009) отмечает, что «устные и письменные традиции ориентируются на различные типы коммуникации, поэтому запись фольклора осмысливается не как техническое действие, а как перевод текста из одной семиотической системы в другую: образец устного народного творчества переносится из естественной среды его бытования в сферу письменной традиции, которая, в свою очередь, не вытесняет фольклор, а фактом фиксации способствует его сохранению, распространению и развитию» (Топорков 2015: 17). Таким образом, книга как основная форма представления текстов становится источником образцов, предоставляемых фольклором и повторно им усваиваемых, она выступает посредником между собственно устными традициями различных исторических периодов или ареалов (Neddermeyer 1993: 205-206). Фольклор, облаченный в книжный (письменный или печатный) формат, отрывается от своего источника и закрепляется в том виде, в каком их представил издатель на страницах печатного сборника. В то же время печатные тексты продолжают соотноситься с системой жанров устного народного творчества, поскольку сохраняют сюжеты, образы и т.п., характерные для системы ценностей народной культуры.

Говоря о разнице между аутентичными фольклорными текстами и опубликованными вариантами, в обязательном порядке следует отметить и роль собирателя-издателя. Печатные сборники текстов представляют фольклор в том виде, в каком он никогда не существовал в реальности, поскольку собиратель компонует издание материалом из разных источников (Wanderer 1976). Как отмечал А.Л. Топорков, такое количество текстов, представленных в одной печатной книге, носитель устной традиции не в состоянии запомнить и воспроизвести (Топорков 2015: 20). На содержание сборника влияет

и личность собирателя, и личность информантов, и дистанция между исполнителем и собирателем, т.е. разница в социальной принадлежности, уровне образования, языковой компетенции, степени владения культурными кодами и пр. Любой собиратель представляет фольклорную традицию в виде ограниченного корпуса текстов, которые утратили связь с личностью их носителя, бытовым контекстом, ритуальным исполнением. Отбор текстов из традиционного репертуара осуществляется в соответствии с теми задачами, которые ставит перед собой собиратель (издатель), записываются они по определенным критериям, изначально вручную, затем с использованием различных технических средств, при этом собиратель исходит из собственного понимания формы и содержания устного текста.

Предпосылки, материал и результаты

В Германии сбором, изданием и изучением фольклорных текстов магического характера активно занялись в середине XVIII века (Daxelmüller 1985). Большим спросом пользовались сборники заговоров для различных жизненных ситуаций (от болезней, колдовства, для защиты от воров и пр.), именовавшиеся «волшебными книгами» (нем. *“Zauberbuch”*) (Jacoby 1931, Siller 1982, Bachter 2005). Среди наиболее популярных изданий такого плана следует особо выделить т.н. «Романову книжицу» (нем. *“Romanusbüchlein”*), которая многократно переиздавалась на протяжении двух столетий с момента первого дошедшего до нас издания. Известные исследователям раннепечатные версии восходят, видимо, к средневековым рукописным компиляциям, которые до нас не дошли. Также не представляется возможным установить, какой исторический персонаж кроется под именем Романа, в честь которого и получила свое название эта книга. По всей видимости, речь идет об одном из христианских святых, к которому могли в

раннем Средневековье обращаться за помощью в защите от злых чар, ведовства и болезней, вызванных действиями колдунов. Перечисленные ниже книги считаются самыми известными изданиями данного сборника.

Одной из ранних печатных версий принято считать издание Франца Помпеюса, чья датировка (1788 г.) не вызывает сомнений у специалистов; оно содержит 75 текстов и называется «Романова книжка. Защити людей и животных от несчастья, болезни, огня и водных напастей, воровства, ран, причиняемых разным оружием, а также от колдовства в доме и вне дома» (нем. *“Romanus-Büchel. Bewahre Menschen und Vieh vor Unglück und Krankheit, Feuer und Wassergefahr, Diebstahl, Verwundung durch Waffen aller Art, so wie vor aller Zauberey in und außer Hause”*).

«Венецианское» издание (нем. *“Venedigerdruck”*), дошедшее до нас в нескольких версиях, охватывает 77 текстов, оно вышло в конце XVIII века, предположительно между 1786 и 1800 гг., на титульном листе написано: «Романова книжица Господь Бог охраня мою душу, мои деяния, отныне и во веки веков, Аминь» (нем. *“Romanusbüchlein vor Gott der Herr bewahre meine Seele, meinen Aus- und Eingang, von nun an bis in alle Ewigkeit, Amen”*). Ареалом распространения данных версий «Романовой книжицы» были южные и юго-западные области Германии, но отдельные издания находились на протяжении XIX века также и в Саксонии, Чехии и на других территориях. Отметим, что именно «венецианское» издание вошло в известный каталог немецких народных книг Й.Герреса в 1807 г., это стало первым упоминанием подобного рода сборника в труде, претендующем на статус научного обзора. Сам Геррес относится к «Романовой книжице» крайне отрицательно, называя ее собранием «всяческого вздора, брошенных в одну кучу магических фраз, заговоров, заклинаний», и с рационалистической

беспощадностью ученого Нового времени определяет этой книге место «если не в полицейском участке, то уж точно на задворках истории» (Görres 1807: 203-206). Скептическое отношение к подобного рода артефактам низовой народной культуры было характерным признаком той эпохи, на что указывали исследователи в своих работах (Bausinger 1963, Stute 1997).

«Ланкастерское» издание (нем. *“Lancaster-Druck”*), как и «венецианское», представлено несколькими разновременными книжками, опубликованными в первой половине XIX в. Ни «венецианское», ни «ланкастерское» издания никак не связаны с теми городами, которые указаны на их титульных листах как места расположения типографии. Эта общая для данного типа печатной продукции практика, когда издатели (они же книготорговцы) скрывали реальные выходные данные, чтобы избежать возможного преследования со стороны церкви и государственных структур, которые все еще с подозрением относились ко всему магическому. Считается, что местом публикации самой известной версии «ланкастерского» издания был город Штутгарт (владелец типографии на своей печатной продукции имел обыкновение вместо Штутгарта указывать то Филадельфию, то Балтимор), отдельные экземпляры выходили в Братиславе, Мюнхене и других городах. Все они содержат 75 текстов, наиболее полная версия издания озаглавлена «Романова книжица или Господь Бог охраня мою душу, мои деяния, отныне и во веки веков, Аминь. Аллилуйя. Или всевозможные превосходные и проверенные заклинания и заговоры от недугов, кровотечения, зубной боли, ожога, болей в суставах, колдовства, опухолей на теле, слабости, несчастья, врагов, воров, грабителей, против оружия, чтоб остановить стреляющего, для укрощения мужчины, заговоры от лихорадки, на удачу в игре, чтобы изловить вора, отвести пули, мощная помощь в любой схватке» (нем.

“Romanusbüchlein vor Gott der Herr bewahre meine Seele, meinen Aus- und Eingang, von nun an bis in alle Ewigkeit, Amen. Halleluja. Oder allerley fürtreffliche und bewährte Spruch- und Schriftsegen vor Schmerzen, Blutstillung, Zahnpein, Brand, Reißen in den Gledern, Hexerei, Gewächse am Leib, Schwund, Unglück, Feinde, Diebe, Räuber; Schußstellung daß einer nicht kann schießen, einen Mann zu zwingen, Feuersegen, Glückssegen fürs Spiel, einen Dieb herzucitieren, Kugelabweisung und kräftige Hilfe in allerley Anfechtung”).

С точки зрения территориальной группировки все известные издания можно разделить на три группы. Первая группа представлена книгами, имевшими хождение преимущественно на юге Германии, напечатаны они были в основном в Вюртемберге, откуда попали в Баварию, Гессен, Вестфален, Нижнюю Саксонию, Пфальц, Швейцарию, Тюрингию и Саксонию. Вторая группа “кочевала” из Австрии через Братиславу на северо-восток, достигла Рудных гор, распространилась на всей территории Австро-Венгерской империи, а через ее южные границы попала к народам юго-восточной Европы. Опубликованные в начале XX в. книги являются переизданиями одного из перечисленных выше вариантов “Романовой книжицы” и составляют, таким образом, третью группу, эти книги издавались и распространялись в северных и северо-восточных регионах Германии. «Романова книжица» была настолько популярной в народе, что ее переписывали от руки в тетради вплоть до середины XX в., а каждый уважающий себя немецкий этнограф-фольклорист обязательно упоминал это произведение в своих работах, отмечая, что во многих домах существовал обычай класть эту книжицу под подушку роженицы или на ее живот для вспоможения при родах.

Отдельного упоминания заслуживают многочисленные компиляции, в состав которых входили те или иные фрагменты «Романовой книжицы».

Крупнейший немецкий фольклорист и собиратель магических текстов А. Шпамер выделял шесть самых известных сборников-компиляций. Наиболее ранние относятся ко второй половине XVII – первой половине XVIII вв., и это служит доказательством тому, что сама «Романова книжица» существовала в печатном или рукописном виде задолго до появления тех вариантов, которые были описаны выше (Spamer 1958, Bachter 2005).

На титульном листе одной из первых компиляций читаем: «Таинственные сокровища героев, или совершенный египетский магический щит, наполненный чудесными секретами и богатыми кладами. Точно по пергаментной рукописи из старинной монастырской библиотеки Иоганна Старициуса. Весьма расширено и все семь частей в одном томе. С двумя приложениями: I. Романова книжица II. Великий Гримуар (волшебная книга) папы Гонория» (нем. *“Geheimnisvoller Heldenschatz, oder der vollständige egyptische Magische Schild voll wunderwürdiger Verborgenenheiten und reicher Schätze. Genau aus der Pergamenthandschrift einer alten Klosterbibliothek von Johannes Staricius. Sehr vermehrt und alle sieben Theile in Einem Bande. Mit zwei Anhängen I. Romanusbüchlein. II. Der große Grimoir (Zauberbuch) des Papstes Honorius”*). В сборнике объемом в 500 страниц «Романова книжица» размещается в версии, близкой более позднему «венецианскому» изданию, на страницах 407-458, которая содержит 77 известных по последующим изданиям заговоров, незначительно отличающихся от них в части орфографии. Место и год издания – Кельн и Веймар, 1750 г. В других источниках содержится ссылка на аналогичное издание с более ранней датировкой – 1647 г. (Bachter 2004).

Другая весьма примечательная компиляция из собрания Шпамера озаглавлена «Рукописное сокровище из монастырских библиотек, охватывающее

все сорок главных книг о магии, тайном искусстве, видениях и наисекретнейших науках» (нем. *“Handschriftliche Schätze aus Klosterbibliotheken, umfassend sämtliche vierzig Hauptwerke über Magie, verborgene Kräfte, Offenbarungen und geheimste Wissenschaften”*). Несмотря на то, что выход сборника датирован длительным периодом (видимо, он издавался в разных городах с 1734 по 1810 гг.), в нем содержатся ссылки на тексты середины XVI – начала XVII вв. Так, в разделе XXXVII помещена «Старинная Коломанова книжица» (нем. *“Das alte Colomanus-Büchlein”*), якобы воспроизведенная по майнцкому изданию 1613 г., а на страницах с 585 по 600 приведены тексты по сборнику 1540 г. «Избранные святые молитвы для использования благочестивыми христианами, дабы обезопасить себя от тех напастей, кои подстерегают как людей, так и скот» (нем. *“Auswahl heiliger Segen zum Gebrauche frommer Christen, um in allen Gefahren, worein sowohl Mensch als Vieh oft gerathen, gesichert zu seyn”*). «Коломанова книжица», несмотря на столь странное название, содержит в своем составе преимущественно тексты из «Романовой книжицы».

Берлинское издательство Бартеля также прославилось своими компиляциями, самой объемной из них можно считать «Книгу Эзры». Отсылки к «Романовой книжице» имеются на страницах с 84 по 99; этот раздел, датированный также 1540 г., озаглавлен «Истинная святая Христофорова молитва» (нем. *“Das wahrhaftige heilige Christoph-Gebet”*). В Берлине были изданы другие сборники, в состав которых вошли тексты из «Романовой книжицы», например: «Шестая и седьмая книги Моисея», «Истинный духовный щит» и др. Последний сборник перекликается с редуцированным южно-немецким изданием «Духовного щита» 1747 г., в котором приведены те же тексты из «Романовой книжицы», что и в берлинской

компиляции. Полное название «Духовного щита» звучит так: «Истинный духовный щит, подтвержденный 300 лет тому назад святым папой Львом X, как против всех опасных злых людей, так и от чародейства и бесовского искусства. В нем весьма действенные заговоры и молитвы, частью явленные Господом, частью сотворенные церковью и святыми отцами и ими же испытанные» (нем. *“Der wahre Geistliche Schild, so vor 300 Jahren von dem heiligen Papst Leo X. bestätigt worden, wider alle gefährliche böse Menschen sowohl, als aller Hexerei und Teufelswerk entgegengesetzt. Darinnen sehr kräftige Segen und Gebete, so theils von Gott offenbart, theils von der Kirche und heil. Vätern gemacht und approbiert”*). В качестве даты публикации значится 1647 г., типография располагалась в городе Кельне. «Романова книжица» приведена фрагментарно в четвертой части данного издания.

Сборники, в названии которых фигурирует сочетание «Духовный щит», были очень популярны на рубеже XIX-XX веков. Только в собрании Шпамера приведено восемь примеров компиляций с похожими названиями, самая ранняя из которых датирована 1607 г. Помимо сборников, в которых полностью либо фрагментарно публиковалась «Романова книжица», Шпамер перечисляет издания, где «книжица» упоминается как источник или пример заговорных текстов, а также приводит многочисленные рукописные версии того или иного сборника (о собрании Шпамера подробнее см. Schulz 2003).

Заключение

Лингвистический анализ текстов, собранных как в самой «Романовой книжице», так и в многочисленных компиляциях, показал, что практически все заговоры отредактированы и изданы на общенемецком стандарте, который закрепился в печатном деле в конкретную языковую эпоху. Даже последующие переиздания и рукописные копии следуют языку сборников, послуживших для них

источниками, а не подстраиваются под региональные языковые или диалектные особенности. Так, сравнение текстов одного заговорного типа, зафиксированных в то же историческое время на территории активного распространения версий «Романовой книжицы» показало, что даже при наличии диалектных вариантов заговоров тексты в составе «Романовой книжицы» не подвергались языковым трансформациям. Более того, в силу престижности самого печатного сборника со временем именно унифицированные в языковом плане тексты «Романовой книжицы» вытеснили заговорные тексты на диалектах.

Таким образом, вопрос о месте и роли текстов устного народного творчества в истории становления литературного языка в эпоху активного развития книгопечатания и, как следствие, многократного тиражирования произведений различных жанров по-прежнему не утратил актуальности, его обсуждение требует выработки более широкого лингвокультурологического и социолингвистического взглядов (Rösler 2006). Процесс дефольклоризации устной словесности был завершён с появлением печатного станка. Окончательно закрепившаяся печатная форма воспроизведения текстов сделала невозможным последующее вмешательство переписчиков, выдвинув на первый план фигуру составителя сборника. Компилятор подвергал каждый новый текст редактуре в соответствии с техническими требованиями печатного процесса, правилами распространения печатной продукции той или иной эпохи и, безусловно, своей языковой компетенцией. Последняя, как показывает анализ многочисленных печатных компиляций, не находилась на высоком научном уровне, а это в свою очередь заставляет задуматься о языковом статусе раннепечатных сборников как образцов языковой нормы для носителей местных вариантов при общем важном значении печатных изданий в Новое время.

Список литературы

- Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Слово устное и слово книжное. Гистер М.А. (ред.). М.: РГГУ. 2009. С. 469-538.
- Данилевский И.Н. Историческая текстология. Учебное пособие. М.: Издательский Дом ВШЭ. 2018. 553 с.
- Жирмунский В.М. Методика социальной географии (Диалектология и фольклор в свете географического исследования) // Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки. М.: О.Г.И. 2004. С. 22-39.
- Карпов В.И. О некоторых вопросах изучения языкового варьирования на материале немецких фольклорных текстов // Материалы X юбилейной Международной научно-практической конференции «Диалог культур – культура диалога», Кострома, 05-10 сентября 2011 г. Ваулина Л. Н. (ред.). Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова. 2011. С. 141-155.
- Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 47 с.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры. 1999. 464 с.
- Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. №5. С.66-78
- Топорков А.Л. Ранние записи фольклора как историко-филологическая проблема // Фольклор: Ранние записи. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 9–33.
- Bachter, Stephan. Grimoires and the transmission of magical knowledge. in Davies, Owen; Willem de Blécourt (ed.): Beyond the Witch Trials. Witchcraft and magic in Enlightenment Europe. Manchester 2004. pp. 194-206.
- Bachter, Stephan. Anleitung zum Aberglauben. Zauberbücher und die Verbreitung magischen „Wissens“ seit dem 18. Jahrhundert. Dissertation zur Erlangung der Würde des Doktors der Philosophie der Universität Hamburg. Hamburg, 2005. 234 Seiten
- Bausinger, Hermann. Aufklärung und Aberglaube. In: Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 37 (1963). pp. 345-362.
- Davies, Owen. Healing Charms in Use in England and Wales 1700–1950, Folklore, 1996, 107. № 1-2, pp. 19-32
- Daxelmüller, Christoph. Das literarische Magieangebot. Zur Vermittlung von hochschichtlicher Magiediskussion und magischer Volksliteratur im 17. Jahrhundert. In: Brückner, Wolfgang; Peter Blickle; Dieter Breuer (Hrsg.): Literatur und Volk im 17. Jahrhundert. Probleme populärer Kultur in Deutschland. Teil II. Wiesbaden 1985 (Wolfenbüttler Arbeiten zur Barockforschung, Band 13). S. 837-863
- Doering-Manteuffel, Sabine. The supernatural and the development of print culture. In: Davies, Owen; Willem de Blécourt (ed.): Beyond the Witch Trials. Witchcraft and magic in Enlightenment Europe. Manchester 2004. S. 187-193.
- Görres, Joseph. Die teutschen Volksbücher. Nähere Würdigung der schönen Historien-, Wetter- und Arzneybüchlein, welche theils innerer Werth, theils Zufall, Jahrhunderte hindurch bis auf unsere Zeit erhalten hat. Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1807. 311 Seiten
- Jacoby, Adolf. Die Zauberbücher vom Mittelalter bis zur Gegenwart, ihre Sammlung und Bearbeitung. In: Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde. 1931. Band 31-32. pp. 208-228.
- Lerner, Franz. A. Spamer's Kommentar zum „Romanus-Büchlein“ und die Sammlung der deutschen Segen- und Beschwörungsformeln. In: Deutsche Gae. 1958. № 6 (№ 876). pp. 81-93
- Mein, Georg. Die Abwesenheit des Vaters. Schriftlichkeit als Schwellenraum. In: Schriftkultur und Schwellenkunde / Geisenhanslüke, Achim; Mein, Georg (Eds.). – Bielefeld: Transcript Verl. 2008. pp. 65 – 96.
- Neddermeyer, Uwe. Wann begann das Buchzeitalter? In: Zeitschrift für historische Forschung. 1993. № 20. S. 205-216.
- Parr, Rolf. Liminale und andere Übergänge: Theoretische Modellierungen von Grenzzonen, Normalitätsspektren, Schwellen, Übergängen und Zwischenräumen. In: Schriftkultur und Schwellenkunde / Geisenhanslüke, Achim; Mein, Georg (Eds.). – Bielefeld: Transcript Verl. 2008. pp. 11 – 64.
- Rösler, Irmtraud. Sprachwechsel in Mecklenburg. Niederdeutsches Jahrbuch. 2006. № 129. pp. 139-156.
- Rösler, Irmtraud. „Ich soll als eine Zauberin vorbrannt werden ...“. Zur Widerspiegelung populären Zaubers in

mecklenburgischen Hexenprozeßprotokollen und zur Sprachform der Verhörprotokolle. In: Harmening, Dieter/Rudolph, Andrea (Hrsg.): Hexenverfolgung in Mecklenburg: regionale und überregionale Aspekte. Dettelbach. 1997. pp. 167–190

Schulz, Monika. Beschwörungen im Mittelalter. Einführung und Überblick. Heidelberg, Universitätsverlag C.Winter. 2003. 184 S.

Sieburg, Heinz. Frühe Grenzgänger: Die Nibelungen auf dem Weg zur mittelhochdeutschen Schriftkultur. In: Achim Geisenhanslücke / Georg Mein (Hrsg.): Grenzräume der Schrift (Literalität und Liminalität 2). Bielefeld: Transcript. 2008. 67-76 S.

Siller, Max. Zauberspruch und Hexenprozess. Die Rolle des Zauberspruchs in den Zauber- und Hexenprozessen Tirols. In: Tradition und Entwicklung. Festschrift Eugen Thurnher. Hg. Von Werner M. Bauer, Achim Masser und Guntram Plangg. Innsbruck. 1982. pp. 127–154.

Spamer, Adolf. Romanusbüchlein. Historisch-philologischer Kommentar zu einem deutschen Zauberbuch. Bearbeitet von Johanna Nickel. Berlin. 1958. 446 S.

Stute, Martin. Hauptzüge wissenschaftlicher Erforschung des Aberglaubens und seiner populärwissenschaftlichen Darstellungen der Zeit von 1800 bis in die Gegenwart. Frankfurt a.M. 1997 (Europäische Hochschulschriften, Reihe 19: Volkskunde, Ethnologie; Abt. A: Volkskunde; Band 45). 302 S.

Wanderer, Karl. Gedruckter Aberglaube. Studien zur volkstümlichen Beschwörungsliteratur. Frankfurt a.M.: Diss. 1976. 269 S.

Zeman, Sonja. "Mündlichkeit" ist nicht gleich "Mündlichkeit": Implikationen für eine Theorie der Gesprochenen Sprache. In: Jörg Hagemann / Wolf Peter Klein / Sven Staffeldt (Hrsg.). Pragmatischer Standard. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH. 2013. S. 191-206

References

Gasparov, B.M. (2009). *Ustnaja rech' kak semiotičeskij ob'ekt* [Oral speech as a semiotic object], in *Slovo ustnoe i slovo knižnoe* [Spoken and Book Word] (p.p. 469-538), Moscow: RGGU, (in Russian).

Danilevskij I.N. (2018). *Istoričeskaja tekstologija. Učebnoe posobie*. [Historical

Textology. Manual], Moscow: Izdatel'skij Dom VShJe. (in Russian).

Zhirmunskij, V.M. (2004). *Metodika social'noj geografii* (Dialektologija i fol'klor v svete geografičeskogo issledovanija) [Methodology of Social Geography. Dialectology and folklore in light of geographical research], in Zhirmunskij V.M. *Fol'klor Zapada i Vostoka* [Folklore of the West and East. Comparative historical essays] (p.p. 22-39), Moscow: O.G.I., (in Russian).

Karpov, V.I. (2011). *O nekotoryh voprosah izučenija jazykovogo var'irovanija na materiale nemeckih fol'klornyh tekstov* [On some issues of studying language variation on the material of German folklore texts], in *Materialy X jubilejnoj Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii «Dialog kul'tur – kul'tura dialoga», Kostroma, 05-10 sentjabrja 2011 g.* [Proceedings of the X-th anniversary International Scientific Conference "Dialogue of Cultures – a Culture of Dialogue", Kostroma, September 05-10, 2011] (p.p. 141-155), Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet im. N.A. Nekrasova, (in Russian).

Konvalova, N.I. (2007). *Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen* [Sacred text as a linguocultural phenomenon]. Abstract of Ph.D. dissertation. Moscow, (in Russian).

Lotman, Ju.M. (1999). *Vnutri mysljashih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history], Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, (in Russian).

Ossoveckij, I.A. (1975). *O jazyke russkogo tradicionnogo fol'klora* [On the language of Russian traditional folklore], *Voprosy jazykoznanija*. Vol.5, 66-78, (in Russian).

Toporkov, A.L. (2015). *Rannie zapisi fol'klora kak istoriko-filologičeskaja problema* [Early records of folklore as a historical and philological problem], in *Fol'klor: Rannie zapisi* [Folklore: Early Recordings], (p.p. 9–33), Moscow: In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo, (in Russian).

Bachter, Stephan (2004). *Grimoires and the transmission of magical knowledge* (p.p.194-206) in Davies, Owen; Willem de Blécourt (ed.): *Beyond the Witch Trials. Witchcraft and magic in Enlightenment Europe*. Manchester.

Bachter, Stephan (2005). *Anleitung zum Aberglauben. Zauberbücher und die Verbreitung magischen „Wissens“ seit dem 18. Jahrhundert*. Dissertation zur Erlangung der Würde des

Doktors der Philosophie der Universität Hamburg, Hamburg.

Bausinger, Hermann (1963). Aufklärung und Aberglaube, *Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, Vol. 37, 345-362.

Davies, Owen (1996). Healing Charms in Use in England and Wales 1700–1950, *Folklore*, Vol. 1-2 (107), 19-32.

Daxelmüller, Christoph (1985). Das literarische Magieangebot. Zur Vermittlung von hochschichtlicher Magiediskussion und magischer Volksliteratur im 17. Jahrhundert, in Brückner, Wolfgang; Peter Blickle; Dieter Breuer (ed.): *Literatur und Volk im 17. Jahrhundert. Probleme populärer Kultur in Deutschland. Teil II* (Wolfenbüttler Arbeiten zur Barockforschung, Band 13), Wiesbaden, 837-863.

Doering-Manteuffel, Sabine (2004). The supernatural and the development of print culture in Davies, Owen; Willem de Blécourt (ed.): *Beyond the Witch Trials. Witchcraft and magic in Enlightenment Europe* (p.p.187-193), Manchester.

Görres, Joseph (1807). *Die teutschen Volksbücher. Nähere Würdigung der schönen Historien-, Wetter- und Arzneybüchlein, welche theils innerer Werth, theils Zufall, Jahrhunderte hindurch bis auf unsere Zeit erhalten hat.* Heidelberg: Mohr und Zimmer.

Jacoby, Adolf (1931). Die Zauberbücher vom Mittelalter bis zur Gegenwart, ihre Sammlung und Bearbeitung, *Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde*, Vol. 31-32, 208-228.

Lerner, Franz. A. (1958). Spamer's Kommentar zum „Romanus-Büchlein“ und die Sammlung der deutschen Segen- und Beschwörungsformeln, *Deutsche Gaue*. Vol. 6 (876), 81-93.

Mein, Georg (2008). Die Abwesenheit des Vaters. Schriftlichkeit als Schwellenraum, in Geisenhanslücke, Achim; Mein, Georg (ed.). *Schriftkultur und Schwellenkunde*, Bielefeld: Transcript Verl., 65-96.

Neddermeyer, Uwe (1993). Wann begann das Buchzeitalter? *Zeitschrift für historische Forschung*. Vol. 20, 205-216.

Parr, Rolf (2008). Liminale und andere Übergänge: Theoretische Modellierungen von Grenzzonen, Normalitätsspektren, Schwellen, Übergängen und Zwischenräumen, in Geisenhanslücke, Achim; Mein, Georg (ed.), *Schriftkultur und Schwellenkunde*, Bielefeld: Transcript Verl., 11-64.

Rösler, Irmtraud (1997). Ich soll als eine Zauberinne vorbrannt werden ... Zur Widerspiegelung populären Zauberswissens in mecklenburgischen Hexenprozeßprotokollen und zur Sprachform der Verhörprotokolle, in Harmening, Dieter; Rudolph, Andrea (ed.), *Hexenverfolgung in Mecklenburg: regionale und überregionale Aspekte*. Dettelbach, 167–190.

Rösler, Irmtraud (2006). Sprachwechsel in Mecklenburg, *Niederdeutsches Jahrbuch*, Vol. 129, 139-156.

Schulz, Monika (2003). *Beschwörungen im Mittelalter. Einführung und Überblick*, Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.

Sieburg, Heinz (2008). Frühe Grenzgänger: Die Nibelungen auf dem Weg zur mittelhochdeutschen Schriftkultur, in Achim Geisenhanslücke, Georg Mein (ed.), *Grenzzräume der Schrift (Literalität und Liminalität 2)*, Bielefeld: Transcript, 67-76.

Siller, Max (1982). Zauberspruch und Hexenprozess. Die Rolle des Zauberspruchs in den Zauber- und Hexenprozessen Tirols, in *Tradition und Entwicklung. Festschrift Eugen Thurnher*, Innsbruck, 127–154.

Spamer, Adolf (1958). *Romanusbüchlein. Historisch-philologischer Kommentar zu einem deutschen Zauberbuch*. Bearbeitet von Johanna Nickel, Berlin.

Stute, Martin (1997). *Hauptzüge wissenschaftlicher Erforschung des Aberglaubens und seiner populärwissenschaftlichen Darstellungen der Zeit von 1800 bis in die Gegenwart*, Frankfurt a.M.

Wanderer, Karl (1976). *Gedruckter Aberglaube. Studien zur volkstümlichen Beschwörungsliteratur*, Frankfurt a.M.

Zeman, Sonja (2013). “Mündlichkeit” ist nicht gleich “Mündlichkeit”: Implikationen für eine Theorie der Gesprochenen Sprache, in *Pragmatischer Standard*. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 191-206.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Карпов Владимир Ильич, ученый секретарь, кандидат филологических наук

Vladimir I. Karpov, Scientific Secretary, Candidate of Philological Sciences